

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ

Статья посвящена рассмотрению этапов формирования социологии как отдельной научной дисциплины, имеющей собственный предмет, метод, задачи и систему научных приоритетов. Показана связь науки об обществе с позитивистским мировоззрением и рассмотрены фазы освобождения социологии как науки от догматического понимания позитивистских теоретических предпосылок. Доказана необходимость преодоления натуралистических представлений французской социологической школы. Раскрыта значимость концепции В. Парето для понимания социологии как системы. Анализируются достижения русской социологической школы в плане обоснования объективной научной методологии. Рассматривается подход немецкой социологии к лимитам аксиоматизации науки об обществе. Автор приходит к выводу, что развитие социологии как науки отражает потребность общественного сознания в рефлексии по поводу нормативов социальной жизни.

Ключевые слова: социология, общество, наука, позитивизм, факт, система, идеология, метод, явление, объективность.

Становление социологии как науки об обществе, ориентированной на обобщение фактического материала, включающего все предметное многообразие общественной жизни, представляет собой сложный и зачастую противоречивый процесс, в котором, однако, прослеживается закономерность, требующая специальной формы рефлексии. Специфика последней будет состоять в отражении двойственности самого процесса развития социологии как науки. С одной стороны, всякая наука обладает собственной логикой, методологическими приоритетами к лимитам теоретического обобщения, организующими научную мысль в связную и саморазвивающуюся целостность посредством квалифицированного комплекса теоретических оснований, а с другой – социология как форма рефлексии самого общественного сознания оказывается отражением значимых тенденций самого общественного бытия, выра-

жая все присущие ему противоречия и кризисные тенденции. Это значит, что принцип абстрактной целостности социологии как науки оказывается теоретическим нормативом, вступающим в определенное противоречие с тенденциями, идущими от самого факта открытости материала, генерируемого стихией общественной жизни. Когда О. Конт анонсировал новую науку как «социальную физику», еще представлялось возможным питать иллюзии по поводу методологической когерентности ее задач и естественнонаучного идеала познания, но уже первые серьезные достижения социологии как самостоятельной науки показали необходимость преодоления фантасмагорических условий ее идейного генезиса в рамках позитивистского миропонимания. Позитивизм вызвал к жизни науку, которая своим ходом своего развития показывала ограниченность исходных позитивистских постулатов, вскрывая социальный характер детерминаций декларативного познавательного оптимизма позитивистской программы как своеобразной идеологической конвенции.

Заклучив тактический альянс с универсальным эволюционизмом Г. Спенсера, социология вступила в фазу развития «нормальной науки», предполагающую накопление эмпирического материала и формулировку обобщений на основе тенденций, отражаемых в статистических факторах. Умозаключение от фактографии к динамике социальных трендов представлялось корректной методологической процедурой, не требующей специальной концептуальной локализации проблемного комплекса социологии как теории *sui generis*.

Век Прогресса культивировал утопию бескризисного развития в качестве идеологемы, фокусирующей общественное сознание в последовательном позитивистском ключе. Такой взгляд на общество предполагал концепцию линейного детерминизма социального развития, что способствовало актуализации прогностической функции социальной науки. Но именно развитие этой функции в составе научного базиса социологии приводит к постановке проблемы вариативности социальных фактов при констатации инвариантности общих законов социальной жизни. Вопрос о смысле социальных альтернатив поднимается в «Социальной логике» Г. Тарда, стремившегося выявить индуцирующую парадигму нормативной социальной рефлексии. Дихотомичность логического формализма, связанная с нормативным значением закона исключенного третьего, вынуждает его усомниться в догме общественного прогресса, постулируемой в качестве предпосылки единства функционального оптимизма прогностики. Г. Тард констатировал: «На каж-

дом шагу дорога, лежащая перед прогрессом, расходится по двум или по трем различным направлениям, не всегда приводящим к одному и тому же пункту, подобно разветвлениям реки в ее устье, но часто все более и более расходящимся, – конечно, только до известных пределов, до которых простирается эластичность человеческой природы. Иллюзия узкого, единойлинейного эволюционизма, которому, неизвестно каким образом, удалось заставить считать себя единственно правоверным видом трансформизма, именно и состоит в отрицании этой великой истины под предлогом детерминизма» [7, с. 185]. Пока ссылка на некие таинственные пределы эластичности человеческой природы сохраняет смысл методологически значимой оговорки, натуралистическое допущение будет препятствовать развитию социологии, трактующей общество как систему отношений, *toto genere*, отличную от природы. Дихотомия как логический конструкт у Г. Тарда становится концептуальной легендой исключаящих друг друга альтернатив в жизни социума, а «трихотомия» предстает как ситуация, в которой социум порождает гипотезу компромисса, востребованного принципом сохранения его номинального единства.

Французской социологической мысли нелегко было избавиться от метафизических реминисценций позитивистского эволюционизма в его органицистской версии. Социум вновь и вновь представляется результатом «естественной истории», рекомбинируя естественно-правовые идеологемы просветительской эпохи. Так, например, А. Фулье представляет социум как «сознательный и добровольный организм, договорный организм» [9, с. 114], который реализует свою способность к развитию исключительно эволюционным, а не революционным путем. Совершенно очевидно, что эта эволюционистская догма противоречит собственно французскому историческому опыту, неприятие эксцессов которого становится предпосылкой стремления позиционировать социальный компромисс как *desideratum* идеализированного консенсуса сил.

Против методологической идеализации компромисса, фальсифицирующей систему реальных общественных интересов, решительно выступал английский теоретик прогрессивного либерализма Дж. Морлей: «Если бы правило человека компромисса было разумным, то оно бы имело бы свойство всеобщего применения» [3, с. 221]. Французская социологическая мысль игнорировала этот довод, настаивая на сохранении понимания социума как конвенционального организма, исходя из эволюционистской метафизики этой идеалистической фикции, образующей фабулу, в которую следовало вписать все факты социальной жизни. При этом трактовка

социального факта противоречила идеалистической декларации. Так, например, Э. Дюркгейм сводил социальный факт к силе, детерминирующей поведенческие акты индивида в режиме внешнего принуждения. Суммируя опциональные признаки таких детерминаций, он конструировал абстракцию их типологического базиса: «Поскольку эти признаки – морфологического порядка, то можно назвать социальной морфологией ту часть социологии, задача которой – построение и классификация социальных типов» [2, с. 99]. Утрачивается различие между реальной основой типологии и идеальным характером логических отношений, релевантных для классификации. Морфологический компонент доктрины Э. Дюркгейма будучи, по существу, эволюционистской реминисценцией, по факту своей методологической нейтрализации становится совместимым с детерминацией функционала социологии как науки, но не с его развитием.

Ключевым событием в истории социологии как науки, знаменовавшим ее становление в качестве теории, а не простого комплекса методологических установок, ориентированных на обобщение эмпирического материала, явилась концепция В. Парето. Его видение социологии как науки предполагало развертывание теории, обладающей логически-нормативной семантической когерентностью со всеми релевантными признаками аналитической истинности. Сущностным признаком теории становилась логическая непротиворечивость, на основе которой социология в ее научном качестве обосновывалась как системная целостность. Это качество научной теории отражает системность самих общественных отношений. В. Парето, однако, был противником абстрактно-метафизического понимания системы, при котором детерминирующий общественную жизнь фактор трактуется как сила, действующая в отрыве от прочих сил и безотносительно к динамическому балансу условий самого общественного бытия. Системность конкретизируется только посредством условий, а силы должны мыслиться не в качестве неких мистических констант, а пониматься как выражение социальной воспроизводимости отношений между условиями, в которых формируются социальные факты. В. Парето писал: «Связи и силы социальной системы можно рассматривать в совокупности и называть весь этот комплекс просто “условиями”. Теория детерминизма будет выражена словами о том, что состояние системы полностью определяется условиями и меняется только с их изменениями» [4, с. 27]. Стиль мышления В. Парето во многом определен интуицией, выявляющей дефинитивные характеристики социальных структур. Нечто подобное можно об-

наружить в истории языкознания в лингвистической концепции предтечи структурализма Ф. де Соссюра, сравнивавшего систему языка с шахматной игрой, с точки зрения длительности, с которой важен не материал, из которого изготовлены фигуры и не размер доски, а система размещенных игровых комбинаций. Установка на структурный подход у В. Парето особенно зримо проявляется в его учении о «деривациях» социальной реальности, которые как с логической, так и с эмпирической точек зрения могли приниматься как манифестации социально-значимых сил, вследствие чего в роли доказательства деривации должен был выступить мотив, легитимирующий ее субъективно, но в общезначимом качестве.

В «Компендиуме по общей социологии» В. Парето выявил те черты, которые позволяют социологии не просто отражать системные характеристики социальной реальности, а трактовать последнюю как исполненную в материале семиотическую структуру, что позволяло преодолеть рецидивы натуралистического понимания социума, унаследованного от позитивизма, на уровне принципов научной аргументации. Именно это обстоятельство придает социологической концепции В. Парето «классичность»: он понял инвариантные элементы социальности как структуры, раскрывающие свой семантический потенциал в обобществленном действии, смысл которого состоит в том, что всякая идеалистическая деривация, обладающая атрибутом социального признания, оказывается операциональной оптимизацией реальности, развивающей ее путем выхода из ее наличного *status quo*: «Чтобы быть эффективными в плане побуждения людей к действию, деривации и социальные доктрины выходят за пределы реальности...» [4, с. 192]. Последнее признание в высшей степени симптоматично с точки зрения «классичности» социологии Парето как теории, ультимативный пафос которой в ценностном плане воспроизводит классическую доктрину Цицерона о «согласии сословий». В ней ум, воспитанный в латинской традиции, видит идейное оправдание социологической мысли *in genere*.

Достигнутый уровень семантической когерентности социологии как научной теории позволил на следующем этапе ее развития ставить проблемы методологического порядка, избегая абстрактно-метафизического подхода. Но гораздо более существенным достижением следует считать преодоление субъективизма и мировоззренческой предвзятости в социологическом исследовании. Чтобы достичь подлинной научной объективности, необходимо установить дефинитивные параметры для «социального явления» как такового. Эту задачу решил классик русской социологической мысли

П. А. Сорокин. Только правильно понимая дефиниции социального явления, можно найти адекватный метод, вскрывающий характер их релевантных детерминаций. П. А. Сорокин учит, что «социальное явление есть социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы» [6, с. 39]. Социальное явление, таким образом, выводимо из естественного детерминизма, но оно не допускает натуралистической редукции, коль скоро в своем собственном качестве оно обладает конститутивными признаками только на интерсубъективном уровне. Этот уровень раскрывается в актах социального взаимодействия, имеющего объективные характеристики, из чего следует, что и метод познания этих социальных явлений должен быть ориентирован на научную обоснованность. П. А. Сорокин умозаключает: «Объективный метод имеет все законные права на применение его в области исследования явлений взаимодействия» [5, с. 128]. Трактую явление социального взаимодействия как коллективное единство, великий русский социолог указывает на оппозицию реализма и номинализма в социологии, выявляющую теоретический рефлекс проблемы универсалий, поставленной в средневековой схоластике. Сорокинский подход позволяет трактовать эту проблему вне спекулятивного контекста, навязываемого органицистской социологической традицией, а сам факт ее актуализации считать тенденцией, имеющей объективные основания в наличном состоянии социальных взаимодействий, характеризуемом с точки зрения меры абстрактности его репрезентации. Чтобы понять, что за этим стоит вопрос о факторе социального отчуждения, следует обратиться к немецкой традиции социологической мысли.

До появления социологии как самостоятельной науки, обладающей в теории мандатом методологической автономии, проблема отчуждения ставилась в спекулятивном ключе классиками немецкой философии И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегелем и решалась в духе «негативной диалектики», трактуемой идеалистически. Марксистская мысль, декларируя приверженность к материалистическому пониманию истории, придала проблеме отчуждения критическую релевантность, но сделала это с заведомо тенденциозных позиций, легендируя реально существующей в общественной науке проблемой отчуждения идеологию революционного классового активизма. Этот подход был эффективным ходом в идейной борьбе Века Прогресса, но он не заключал в себе продуктивного в научном отношении решения, ибо сохранялся негативный характер диалектики, образующей методологическую доминанту марксизма как теории,

претендующей на универсально-критический статус. Вот почему немецкая социологическая мысль XX века была призвана теоретически преодолеть утопию «обобществляющегося человечества», подвергнув анализу само понятие «общности». Эту задачу поставил перед социологией Ф. Теннис, выявивший волюнтаристическую сущность, в которой в снятом виде являют себя социальные взаимодействия. Характеризуя волю общности в качестве предпосылки социального взаимопонимания, Ф. Теннис писал: «Взаимонаправленную и общую для всех, связующую настроенность, в коей выражается собственная воля той или иной общности, здесь следует рассматривать как взаимоотношения (*consensus*). <...> А поскольку всякое влечение в человеке связано с разумом и предполагает языковые задатки, постольку взаимопонимание можно понимать как смысловую и разумную суть такого отношения» [8, с. 33]. Разумность и осмысленность фактора общности раскрывается в социальном значении категории «собственности», отношение к которой объективируется через диспозицию «социальных тел». Отчуждение перестает быть негативным диалектическим тропом, рассчитанным на идеологический узус, а предстает как индекс дисконтинуальности в системе общественных отношений, опосредствуемых эйдетикой «собственности» по показаниям консенсуса, практикуемого общностью. Практический итог этого направления мысли подвел М. Вебер, утверждавший, что явления социальной жизни «в принципе рациональны по своей сущности» [1, с. 545], что позволило М. Шелеру в качестве первой аксиомы «социологии знания» признать: «Знание каждого человека о том, что он – “член” общества, – не эмпирическое, а “a priori”. Оно генетически предшествует этапам его так называемого самосознания и сознания собственной ценности...» [10, с. 50].

Итак, становление социологии как системы знаний об обществе укладывается в фабульные структуры развития «нормальной науки». Первый этап ее развития связан с накоплением эмпирических фактов в лоне позитивизма, второй – с эволюционистскими и органицистскими интерпретациями во французской школе, постулирующей необходимость морфологического догмата науки об обществе. Третьим этапом становится открытие специфики социального семиозиса и преодоление натурализма на уровне принципа, совершенное В. Парето. Четвертую фазу составляет поиск объективной методологии исследования социальных явлений в русской школе. Пятая фаза представлена немецкой социологией, приводящей через рефлексию к «социологии знания», обнаруживающей в науке об обществе аксиоматические основания, предопределяющие

логику ее развития в материале. Эффект стадийности в становлении социологии как науки характеризует ее как концептуальное единство, выражающее связь между системной когерентностью мышления и предметной целостностью социума как незавершенной реальности, требующей для своего развития понимания меры идеализации собственных оснований.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
3. Морлей Дж. О компромиссе. В защиту свободы мысли. М.: ЛКИ, 2010. 344 с.
4. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
5. Сорокин П. А. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Т. 1 // Система социологии: в 2-х т. М.: Наука, 1993. 447 с.
6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
7. Тард Г. Социальная логика. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 432 с.
8. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия общей социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. 456 с.
9. Фулье А. Современная наука об обществе. М.: Ком Книга, 2007. 344 с.
10. Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.

*Статья поступила в редакцию 27.05.16 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом М. В. Кашириной*